

На правах рукописи

ШАДРИН Алексей Анатольевич

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ДИСКУРСИВНОСТЬ
В АСПЕКТЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

09.00.11. - социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ижевск, 2004

Диссертационная работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор Ольга Николаевна Бушмакина

Официальные оппоненты: доктор философских наук,
профессор Борис Анатольевич Родионов

кандидат философских наук,
Александр Владимирович Мерзляков

Ведущая организация: ГОУВПО «Ижевский государственный
технический университет» Федерального
агентства по образованию

Защита состоится «___» _____ 2004 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета К 212.275.03 в Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, УдГУ, ул. Университетская, д. 1, корпус VI, ауд. 208.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

О. В. Санникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблематика «дискурса» и «дискурсивности» для современной социальной философии имеет, по существу, первостепенное значение, поскольку эти, казалось бы, терминологически устоявшиеся и активно используемые, востребованные философским мышлением понятия, с категориальной точки зрения, оказываются в значительной степени не проясненными. Их онто-гносео-логический, или эпистемологический, статус остается не раскрытым. В этой связи, актуальным становится рассмотрение социально-философской дискурсивности как рассуждения, опирающегося на понятия метода (gnosis), процесса (ontos) и системы (logos). Хотя методологические, процессуальные и системные аспекты составляют основу, или костяк, большинства классических и постклассических социальных теорий, тем не менее, в смысловом отношении они либо противопоставляются, либо задаются «по частям», не образуя при этом концептуального единства, или целостности построения. В результате, ключевые понятия социального и социальной реальности ускользают от четкого научного определения, а в постструктуралистских и постмодернистских дискурсах превращаются в ничего не значащие «пустые», «голые» знаки и/или симулякры. Возникает необходимость в герменевтическом истолковании социальности как целостного само-достаточного образования, не отсылающего ни к кому и ни к чему, но лишь к самому себе.

Герменевтика социально-философской дискурсивности как способ набрасывания рассуждений предьявляет социальность в тождестве языка и мышления. Особую актуальность обретает понятие герменевтического круга. Его смысловое «измерение» адекватно представлению о языке как о прямой, которая ломается одновременно во всех своих точках; иначе, происходит непрерывное видоизменение одной и только одной «мерцающей» точки смысла в пространстве текста. В точке тождества языка и мышления социальность застает себя на пределе собственного бытия в состоянии само-обращенности, или само-представленности. Появляется возможность ее истолкования как потока субъективности, пребывающей в целостном состоянии определенной неопределенности точки, или неопределенной определенности деятельности, непрерывно изливающейся за собственные пределы. Через установление и снятие пределов социальность сообщает о себе, раскрывая собственные смыслы в непрерывном процессе само-именования, или само-познания.

Степень изученности проблемы. Несмотря на то, что до настоящего времени социально-философская дискурсивность не рассматривалась в ключе герменевтической традиции философствования, можно выделить ряд философских и социологических направлений и школ, затрагивающих проблемы, поднимаемые в настоящем исследовании.

Во-первых, это постструктуралистские и постмодернистские концепции дискурсивности. В социальных концепциях Р. Барта и М. Фуко

дискурс отождествляется с различными формами практики. В работах М. Фуко существование исторических практик обуславливается наличием неосознаваемых - внеязыковых - структур повседневности. Правила функционирования дискурсивных практик, прочерчивающих границу между языком и противостоящей ему внешней реальностью, определяются через взаимодействие сфер дискурсивного и не-дискурсивного. Связующая обе сферы «чистая» граница проводится с транс-дискурсивной позиции внешнего наблюдателя и закрепляется в понятии «нулевой степени дискурсивности». В трудах Р. Барта дискурс рассматривается как атрибут абсолютной власти, субстанция которой принадлежит языку. Замкнутое (внутреннее) пространство языка определяется по границе с внешним пространством сферы реального, или вне-языкового. Топологическое пространство разграничивающей их дискурсивной практики обозначается как «нулевая степень письма». В работах Ж. Делеза и Ж. Деррида проблематика дискурсивности разрабатывается на «стыке» философии и филологии. Если у Ж. Деррида поверх базисных категорий присутствия и отсутствия задается абсолютное означаемое *différance*, то в концепции Ж. Делеза происходит обратное - на пределе системы знания возникает знак с «пустым» смыслом - «ноль», или абсолютное означающее.

Во-вторых, это исследования в области социальной философии и социологии, в которых представлены различные подходы к описанию социальной реальности. Герменевтический подход применяется в работах О. Н. Бушмакиной, Ю. Л. Качанова; конструктивистский - в работах П. Бурдые, Р. Ленуара, Н. Лумана, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампаня; феноменологический - в работах П. Бергера, Э. Гуссерля, Т. Лукмана, М. Мерло-Понти, А. Шюца; деятельностный - в работах М. Вебера, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса. В герменевтическом подходе социальная реальность задается через категории понимания и события, ее целостность, или смысловое единство, определяется как субъект-объектное тождество, раскрывающее себя в конструктах мышления. В конструктивистском подходе, наиболее близком герменевтическому, социальная реальность выступает как объект, конструируемый исследователем с определенной позиции, или «точки зрения». В феноменологическом и деятельностном подходах, еще более жестко разграничивающих субъективные и объективные предпосылки познания, социальная реальность субстанциализируется, что приводит, в итоге, к ее полной либо частичной натурализации или психологизации. В пределе она полностью отождествляется с социальной действительностью.

Наконец, в-третьих, это французская школа анализа дискурса. В работах ее представителей - П. Анри, К. Арош, Ж. Гийому, Ж.-Ж. Куртин, Д. Мальдидье, Ж. Отье-Ревю, М. Пешё, Р. Робен, К. Фукс - помимо сугубо лингвистических аспектов анализа дискурса и дискурсивности тематизируются и разрабатываются логико-философские, семантические, топологические, идеологические, политические и психоаналитические его аспекты. В исследованиях названных авторов, опирающихся на работы

Л. Альтюссера, Ж. Лакана, К. Маркса, Ф. де Соссюра, З. Фрейда, М. Фуко, дискурс понимается как рассеянное множество высказываний, позиционное единство которых задается в «нулевой точке субъективности».

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования является социальная действительность, заданная в структурах социальной реальности. В качестве предмета анализа рассматривается социальное бытие, представленное в герменевтических конструктах социально-философской дискурсивности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы состоит в раскрытии механизма само-определения социально-философской дискурсивности, герменевтически заданного в точке тождества языка и мышления. Для достижения поставленной цели требуется решение следующих задач:

- выявить металогический принцип опосредования социального бытия в структурах мышления;
- показать, как происходит самоопределение дискурса социальной реальности в со-общении;
- определить способ субстанциализации социального в структурах объективации;
- обосновать возможность самоопределения субъективности в конструктах социального бытия.

Теоретико-методологические основы и источники исследования. Общей теоретико-методологической основой исследования социально-философской дискурсивности является целостный подход, представленный в герменевтическом аспекте смыслового единства социального бытия, языка и мышления. Исследование выполнено в методе субъект-объектного тождества, заданном как социальная онтология, предьявленная в социально-философских дискурсах.

На формирование концепции диссертационной работы значительное влияние оказали классические философские системы Г. Гегеля, И. Канта, И. Фихте и Ф. Шеллинга. Представленный в настоящем исследовании концептуальный анализ социально-философской дискурсивности как триединства метода (gnosis), процесса (ontos) и системы (logos) напрямую связан с разработанным в трудах Ф. Шеллинга принципом само-конструирования философского знания, или принципом субъект-объектного тождества. Поскольку названный принцип задает систему знания через понятие точки, постольку оно с необходимостью используется в настоящей работе в качестве базисного, или основополагающего. С понятием точки как простого целого также непосредственно соотносится понятие субъективной деятельности, самоопределяющейся в конструктах мышления.

Категориальная разработка этих понятий осуществляется в трудах М. Хайдеггера, Ф. Шеллинга, О. Н. Бушмакиной.

Привлечение понятий точки и деятельности в качестве конструкторов, определяющих возможность построения целостной системы знания, в значительной степени способствовало прояснению смыслов ключевых для

данного исследования терминов дискурс и дискурсивность, а также позволило провести герменевтический анализ постструктуралистских и постмодернистских концепций дискурса.

Категориально понятие точки совпадает с понятием предела. Предел, устанавливаемый в ситуации возможного обращения, или взаимозамещения, категорий субъекта и объекта предоставляет мышлению возможность выбора между двумя различными способами интерпретации субъект-объектного тождества. В концептуальных построениях постструктурализма и постмодернизма поиск предельных оснований философской дискурсивности завершается попыткой введения в систему знания «нулевых» конструкций мышления.

В постструктуралистской и постмодернистской парадигмах понятие предела рассматривается в работах Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, П. Вирилио, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ф. Лаку-Лабарта, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, У. Эко и др.

В философской герменевтике Г. Гадамера и М. Хайдеггера понятие предела раскрывается через категории со-бытия и понимания. Со-бытие есть предельная и потому единственная точка со-в-местности бытия, языка и мышления. Как социальный феномен язык оказывается тем «местом», в котором социальное бытие обретает возможность высказывания и/или со-общения. Рассуждающее высказывание, говорение есть понимание, истолковывающее смыслы набрасываемых рассуждений. Оно изначально «закольцовано» на самом себе, и потому вынуждено говорить на языке традиции и от ее имени. Целостность (ontos) традиции сохраняется в общем для всех философствующих поле дискурсивности.

Герменевтические аспекты категорий со-бытия и понимания разрабатываются и анализируются в работах Г.-Г. Гадамера, Ж.-Л. Нанси, П. Рикёра, М. Хайдеггера, О. Н. Бушмакиной, Ю. Л. Качанова.

Категории со-в-местности, со-общения, смысла напрямую либо косвенно тематизируются в работах Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Ж. Гийому, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, А. Рено, П. Рикёра, М. Хайдеггера, А. Гурко и др.

Философские аспекты языка рассматриваются в работах К. О. Апеля, Л. Витгенштейна, Ж. Лакана, Дж. Мура, Дж. Остина, Г. Райла, П. Рикёра, Ю. Хабермаса и др.

В классических и постклассических социологических теориях П. Бергера, М. Вебера, Э. Гидденса, Т. Лукмана, Т. Парсонса, А. Шюца и др. язык характеризуется, в основном, как форма отложения типичных схем социального опыта или инструмент передачи объективированного социального порядка, содержащего определенный (необходимый) запас знания. Для социального индивида он оказывается такой же доступной, овеществленной частью мира, как и множество других его частей, или предметов. Язык лишь оформляет социальный опыт, но никогда его не конституирует и не конструирует.

Понятие социального индивида как предельной точки описательной системы знания анализируется в работах А. Рено и Ф. Тённиса.

Проблематика конструирования социальной реальности, задаваемой с определенной позиции или «точки зрения» исследователя представлена в работах Х. Абельса, П. Бурдые, Ф. Коркюфа, К. Манхейма, Ю. Л. Качанова, Н. А. Шматко.

Для прояснения исходных познавательных установок, определяющих способ описания социальной реальности, опосредуемый дискурсами классических и постклассических социальных теорий П. Бергера, П. Бурдые, М. Вебера, Э. Гидденса, Э. Дюркгейма, Т. Лукмана, К. Маркса, Т. Парсонса, А. Шюца, в диссертационном исследовании применен метод радикализации, активно разрабатываемый в работах Ж. Бодрийяра.

Научная новизна основных результатов исследования состоит в следующем:

- металогический принцип опосредования социального бытия выявлен в инвариантной метаструктуре мышления, исчерпывающей возможности постструктуралистского и постмодернистского дискурсов в «нулевой точке субъективности»;
- дискурс социальной реальности показан самоопределяющимся в точке тождества социального и языка, «закольцовывающей» социальное в круговом обращении смысла, сохраняющем подвижность в со-общении;
- субстанциализация социального осуществляется в конструктах объективирующих дискурсов натурализации и психологизации;
- самоопределение субъективности реализуется в точке субъект-объектного тождества, которая оказывается социальным со-бытием со-вместности языка и мышления.

Теоретическая и практическая значимость полученных результатов. Теоретическая значимость работы заключается в обосновании герменевтического подхода к проблематике социально-философской дискурсивности, позволяющего рассматривать «социальную реальность» как «сообщение», «отправителем» и «получателем» которого является «сквозная» точка тождества мышления и языка. Практическая значимость заключается в возможности использования «механизма» самоопределения социально-философской дискурсивности, представленного в диссертационной работе, в дальнейших философских и социологических исследованиях. Целесообразно применение результатов исследования для разработки курсов и спецкурсов по общей и социальной философии.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в публикациях, неоднократно обсуждались на аспирантском семинаре кафедры философии УдГУ, излагались в выступлениях на Научно-практической конференции «Возрождение России: общество, образование, культура, молодежь» (г. Екатеринбург, 1998), Научной аспирантско-студенческой конференции экономического и философско-социологического факультетов УдГУ «Социальные и экономические аспекты развития тео-

рии и практики» (г. Ижевск, 1998), III Научной конференции «Российское государство: прошлое, настоящее, будущее» (г. Ижевск, 1998), Научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения О. Конта «Язык науки XXI века» (г. Уфа, 1998), V Общероссийской научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» (г. Санкт-Петербург, 1998), IV Российской университетско-академической научно-практической конференции (г. Ижевск, 1999), Научной аспирантско-студенческой конференции экономического и философско-социологического факультетов УдГУ «Социальные и экономические аспекты развития теории и практики» (г. Ижевск, 2000), Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов» (г. Москва, 2000), XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», посвященной 100-летию со дня рождения основателя Сибирского отделения РАН академика М. А. Лаврентьева (г. Новосибирск, 2000), V Российской университетско-академической научно-практической конференции (г. Ижевск, 2001).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации представлен 118 стр. основного текста и 18 стр. библиографического списка, включающего 220 наименований источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяется степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, исходные методологические установки, раскрывается его научная новизна и практическая значимость.

В **первой главе «Со-бытие социально-философской дискурсивности»** исследуются онто-логические возможности истолкования дискурса социального бытия в предельных конструктах мышления.

В **первом параграфе «Металогика социального бытия в структурах мышления»** анализируются постструктуралистские и постмодернистские концепции дискурсивности, выявляется инвариантная метаструктура, опустошающая бытие системы социального знания; определяется топос актуализации дискурса как субъекта философствования.

В постструктуралистских и постмодернистских концепциях дискурс рассматривается как «инстанция производства знания» (М. Фуко), структура которой определяет способ существования различных пересекающихся между собой дискурсивных практик. Основоюстройством структуры базируется на принципе различения и противопоставления входящих в нее элементов. Связующим звеном между ними выступает парадоксальное «чистое» различие с «нулевыми» пространственно-временными координатами, призванное обеспечить возможность их разграничения и взаимодействия. Однако, идет ли речь о «нулевой степени дискурсивности» (М. Фуко), «нулевой степени письма» (Р. Барт), «нулевой степени струк-

туры) (абсолютном означаемом - *differance* - у Ж. Деррида) или «нулевой степени смысла» (абсолютном - «нулевым» - означаемом у Ж. Делеза), для заполнения «чистых» форм необходима операция трансцендирования, тогда как сами «нулевые» конструкты, характеризующие состояние дискурсивности и/или рациональности на пределе, являются продуктом мышления, устанавливающим предельный уровень теоретизирования. Объективация познавательного процесса, доходя до своего логического предела, оборачивается крайней степенью субъективации. В ситуации обратимости элементов структуры субъект-объектного тождества проведение различия между ними становится невозможным. Эта невозможность в дальнейшем заставляет, или, в терминологии Ж. Бодрийяра, «соблазняет», «совращает» мышление мыслить, исходя из собственной не-самодостаточности. Возникает парадокс зеркального видения/невидения, закрепляемый тождеством $A = \text{не-}A$. За неимением логического решения проблема взаимодействия между A и $\text{не-}A$ «разрешается» мета-логически, что приводит к удвоению структурных составляющих тождества с их последующим объединением в инвариантную, или «отсутствующую» (У. Эко), мета-структуру. Как разрыв смысловой ткани внутри дискурса, с одной стороны, и как вынесенная вовне сферы дискурсивности позиция абсолютного наблюдателя - с другой, инвариантная метаструктура рассеивает смысловую направленность процесса познания до состояния абсолютной исчерпанности смысла. Мышление на пределе полностью нейтрализует себя, растворяя бытие системы социального знания в «нулевой точке субъективности» (М. Пешё).

Вместе с тем, онтологически «нулевая точка субъективности» не имеет самостоятельной сущности, а потому может быть эксплицирована как сквозная, т.е. как точка саморефлексии мышления, застающего себя на пределе собственного существования в состоянии само-обращенности, или само-представленности. «Прозрачность» «ноля», пропускающего сквозь себя весь поток мышления целиком, закольцовывает мышление на самом себе, восстанавливая его целостность. Появляется возможность истолкования дискурса социального бытия как потока субъективности, пребывающей в целостном состоянии определенной неопределенности точки, или неопределенной определенности деятельности в значении «*discurso*». Буквальный перевод латинского *discurso* как некоего «разбегания», «разделения» или «расхождения» соответствует двум противоположным «смыслам-направлениям» в существовании деятельности, с одной стороны, непрерывно преодолевающей собственные пределы, а с другой - сохраняющей в этом преодолении собственную само-тождественность. Если тавтология «деятельность есть» характеризует состояние предельной наполненности, или полноты существования, т.е. указывает на то, «что» имеет место, то парадоксальное положение «имеет место бездеятельность» определяет, «как» это имение места дает о себе знать - в неразличности, неограниченности и неопределенности. Точкой расхождения (различения) обоих «смыслов-направлений» оказывается одно и то же «место» - *topos* актуализации дискурса как субъекта философствования, рассуждающего о

смысле собственного существования в нескончаемом процессе само-осмысления, или само-познания. Рассуждения всякий раз «набрасываются-заново» (Г. Гадамер), поскольку любая «приостановка» смысла в каком-либо определении обнаруживает себя на границе между знанием и незнанием, принимая форму вопроса. Принадлежащая вопросу перспектива высвечивает собой горизонт познания, всегда пред-заданный как концептуальное поле традиции (М. Хайдеггер). Представленная во множестве различных мнений, позиций, концепций традиция предъявляет это множество в понятии «социального».

Во втором параграфе «Самоопределение дискурса социальной реальности в со-общении» задается механизм самораскрытия социального в точке тождества языка и мышления, сохраняющей подвижность в круговом обращении смысла.

Социально-философская направленность дискурса актуализируется в понятии социальной реальности. Традиционное рассмотрение социальной реальности как объекта, чья реальность как некая коллективная данность, или пред-заданность, не может быть подвергнута сомнению, доходя до своего предела, предъявляет последний в понятии социального индивида. Социальный индивид становится предельным элементом разложимого социального целого. Социальность индивида, или его принадлежность к социальному целому, определяется степенью его социализации, или адаптации к социуму. Тем самым предполагается, что индивид изначально находится на «нулевой» стадии социализации, т.е. представляет собой «чистую» форму, наполняемую содержанием в процессе адаптации индивида к внешней (объективной) реальности, или социальной среде. Наполнение содержания социального бытия при этом осуществляется через отождествление внутреннего с внешним, или образом «Другого». Внешнее представляет собой «поверхность» социальной реальности, образуемой бесконечным множеством «Других». «Я» как социальный индивид оказывается «пустым» местом, опосредующим образ «Другого». Множество «пустых» мест, оставляемых после себя «Другим», формирует «сеть» социальных отношений, «набрасываемую» на социум. Гипостазирование отношений в реляционной концепции социальности приводит к обезличиванию социального индивида. Его не-различенная индивидуальность воспроизводится в бесконечном множестве копий, или симулякров. В ситуации бесконечного повтора между лишенными различия копиями утрачивается всякая связь. Происходит атомизация социальной реальности, превращающая социум в безликую массу - «неподъемное ничто» любого стремящегося к ее идентификации дискурса. Провозглашается «конец социального» (Ж. Бодрийяр).

Пределом развертывания социально-философского дискурса, задающего социальную реальность в качестве изначально объективированной данности, становится утрата социального означаемого. При этом «пустое» понятие «социальной реальности» как знака, не отсылающего ни к чему иному, но лишь к самому себе, может быть истолковано двояко. Оно

либо рассеивается в бесконечном множестве других знаков, выступая в качестве симулякра социального конструкта, бесконечно воспроизводимого во множестве копий, либо открывает возможность для саморефлексии социального, застающего себя на пределе собственного существования. Социальная реальность, более уже не указывающая на что-либо внешнее, полностью совпадает сама с собой в тавтологии «социальное есть социальное». Различая себя под именем «социального», реальность, свернутая в одну единственную точку, об-наруживает себя всю целиком в предельной неопределенности глагольной формы «есть».

«Размыкание» тавтологической (позитивной) формы рефлексии тождества извне, т.е. с позиции внешнего наблюдателя, приводит к возникновению «слепого пятна» наблюдения, блокирующего аутопойесис социальной системы. Описание общества как самореферентной системы становится невозможным. Вместе с тем, тавтология, сохраняющая тождество в состоянии определенной неопределенности точки, или неопределенной определенности деятельности в значении «discurso», сама по себе не требует отсылки к какой-либо внешней позиции, или трансцендентному основанию целостности общества как системы знания. «Есть», вобравшее в себя всю реальность социального, содержит как минимум двойное указание: во-первых, на то, что социальное имеет место, а во-вторых, на то, что его реальность а priori оказывается языковой. «Есть», предьявляя себя в качестве «общего места» социального и языка, оказывается своего рода «ключом» к раскрытию социального как конструкта, чья реальность «прочитывается» дискурсом в процессе ее языкового конструирования.

Поскольку реальность социального, как и реальность языка, обнаруживает себя - имеет место - повсюду и в то же время не обнаруживает себя нигде, парадоксальность обоих феноменов стирает между ними всякое различие. «Повсюду» переводит социальное в состояние «гипер-реальности» (Ж. Бодрийяр), или абсолютной не-различенности. Действительным пределом реальности социального выступает не имеющее самостоятельной сущности и потому не-действительное «нигде». Социальное, таким образом, застаёт себя на пределе «уже-не» реальным, но «еще-не» действительным. Заявляя о не-действительной реальности «повсюду» и не-реальной действительности «нигде», социальное само-идентифицируется как сообщение. Негативное по форме, но позитивное по содержанию, сообщение, прочитываемое дискурсом как суждение, различает оба противоположных «смысла-направления» в точке само-полагания, или само-именования. Реальность сообщения-высказывания оказывается языковой. Действительность сообщения-суждения фокусируется в акте смыслополагания. Смысл передаваемого сообщения истолковывается дискурсом.

Во второй главе «Конструирование социальной дискурсивности» выявляются исходные гносео-логические установки, опосредуемые дискурсами классических и постклассических социальных теорий.

В первом параграфе «Субстанциализация социального в структурах объективации» определяются варианты объективации социального как конструкта описания социальной действительности.

В классических социальных теориях конструкция социальной реальности «прочитывается» дискурсом как некое «сообщение», «отправителем» которого является социальная действительность. Объективное существование последней не подвергается сомнению, но утверждается в качестве незабываемого основания, или фундамента, социологического знания.

В марксистской парадигме социальный *gnosis* отождествляется с законом естественно-исторического развития. Социальность полностью натурализуется и/или объективируется. Ее вещность закрепляется в материальных производственных отношениях, обнаруживающих себя в социальной действительности. Субъективность здесь никак себя не проявляет, поскольку система в ней не нуждается. Первой «отметкой» субъективности становится психологизм, как он дает о себе знать в концепции Э. Дюркгейма. Это некие коллективные идеи, чувства, представления, характеризующие первое состояние неразличности самого психологизма. Иначе, натурализм у Дюркгейма принимает форму психологизма. Общество оказывается как бы чувствующей, созерцающей субстанцией, или неким субстратом, чувствительность которого выражается в понятии коллективного верования. То есть общество выступает как коллективный субъект чувствования, или инстанция (общей) чувствительности. Это неопределенная субъективация, поскольку субъект как таковой здесь еще не присутствует и поэтому обозначается как коллективный субъект, то есть неопределенный субъект, а значит, требующий дальнейшего определения.

Свое дальнейшее определение он получает в концепции М. Вебера. Социальный *gnosis* актуализируется в попытке анализа коллективных представлений в их определенности по отношению ко времени. Через выделение исторических типов рациональности происходит первое определение неопределенной субъективности. Однако оно не позволяет еще выделиться исследователю, т.е. исследователь проявляет себя в собственном исследовании, или дискурсе, исключительно как некий исторический тип. Иначе, исследователь здесь еще не индивидуализирован. Затем следует второе определение субъективности: наряду с историческими типами рациональности выделяются собственно социологические. Вводятся категории социального действия, субъективного смысла, понимания. Обращение к ним с (внешней) исследовательской позиции представляет собой попытку перевода социальной действительности на язык социальной реальности, или идеально-типических конструкций. Но поскольку сам «перевод» исходит не столько из возможности понимания социальных феноменов, сколько из необходимости их объяснения, дистанция между социальной реальностью и социальной действительностью не сокращается, а наоборот лишь увеличивается. На этом этапе субъективность проходит стадию идеализации. «Чистые» идеальные типы наделяются статусом обще-

значимых понятий, одновременно обосновывающих и ограничивающих возможности социального познания.

Далее, в концепции Т. Парсонса, движение определения субъективности преодолевает следующий этап - структурно-функциональную стадию актуализации социального gnosis'a. Система Парсонса как бы соединяет в общую схему основные элементы предшествующих ей социальных теорий К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Из марксистской парадигмы заимствуется принцип основополагающего природного начала, из концепций Дюркгейма и Вебера - соответственно понятия коллективного чувства и целе-рационального действия. Но если в марксизме общество предстает исключительно в его природной (за)данности, естественности и/или вещиности, т.е. полагается с внешней стороны в качестве «вещи», то структурно-функциональный анализ пытается осмыслить изнутри то, как эта «вещь» устроена. В результате, естественно-исторический закон развития заменяется социальным инстинктом, который проявляется в имманентном социуму чувстве рациональности, опосредующем принцип всеобщей разумности. Как контролирующая инстанция, или функция всех функций, принцип всеобщей разумности центрирует систему и одновременно задает ей абсолютную цель развития, т.е. оказывается телеологическим. Он дифференцирует и связывает между собой внутренние функции системы, но не совпадает ни с одной из них, а потому выступает дополнительной функцией оптимизации, трансцендентной по отношению к конструируемой системе знания. Оптимизация системы достигает своего предела в точке абсолютного контроля, или абсолютной разумности. Система переходит в состояние совершенной прозрачности, различности, адекватное полной утрате способности видения, или различения. Неопределенная субъективация оборачивается предельной объективацией, а социальная реальность «растворяется» в социальной действительности, или повседневности (П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц).

Во втором параграфе «Самоопределение субъективности в конструктах социального бытия» анализируются способы субъективации и объективации социальной реальности в феноменологическом и конструктивистском дискурсах; обосновывается возможность сохранения смыслового единства социального, языка и мышления в точке субъект-объектного тождества.

В концепциях феноменологической социологии П. Бергера, Т. Лукмана и А. Шюца социальная реальность отождествляется с окружающим миром повседневности, который воспринимается индивидуальным сознанием как несомненный, непосредственно данный, т.е. «само собой разумеющийся». Поскольку сознание индивида полностью сливается с повседневностью, возникает проблема разграничения субъективного и объективного «анклавов» социальной реальности. Они оказываются симметричными и потому полностью обратимыми. Индивидуальное «я», представляющее собой «обобщенный» образ «Другого», рассеивается во множестве ролей, совпадающих с социально предписанными реифицирован-

ными типизациями. Последние закрепляются в языковых схемах действия. Как основная «форма отложения типичных схем опыта» язык оказывается для индивида такой же овеществленной (реифицированной) частью мира, как и множество других его частей, или предметов. Поскольку индивидуальные сознания в пределе становятся неразличимы, остается лишь одно - единственно возможное в данном случае - несовпадение в телесной организации индивидов. Проблематика социальной дискурсивности сводится к «диалектике» природного и социального. Соответственно, возникает необходимость в беспрепятственном «усвоении» некоего усредненного обязательного запаса знания, или «естественной» установке (сознания), разделяемой в повседневности всеми без исключения. Естественная установка представляет собой отказ от природности, но это значит, что сам этот отказ уже пред-полагает, пред-усматривает природность в качестве основания, или условия возможности развертывания дискурса. И поскольку отказ от природности, как таковой, не содержит в себе ничего, кроме самой природности, ее переименование в «социальность», или «повседневность», оказывается бессодержательным, или тавтологичным. В итоге, социальность как таковая не конструируется и/или конституируется, а описывается с внешней по отношению к ней позиции знающего социолога, дискурс которого опосредует «несосчитанную» точку отсчета социального знания, или инстанцию абсолютного социального *gnosis'a*.

Теория структуриации Э. Гидденса, синтезируя понятия структуры и действия, пытается переосмыслить повседневность через ее отождествление с рутинными практиками как основной формой повседневной социальной активности. «Децентрализованный» субъект деятельности определяется как действующая «самость», «ключевой точкой» актуализации которой выступает тело. Вступая во взаимодействие с окружающей средой, оно выполняет функцию резонатора, «биологические мембраны» которого (органы чувств) обладают избирательной проницаемостью по отношению к социальному. Постепенно бессознательное восприятие социальности вытесняется, уступая место «практическому осознанию» социального опыта, со-размерному социальным позициям тела, доминирующим в повседневности. На принцип телесного существования поэтапно, послойно накладывается принцип познания. Бесконфликтное взаимодействие тела с привычной для него социальной средой поддерживается на уровне чувства «онтологической безопасности». В критических ситуациях «практическое сознание» уступает «место» дискурсивному, вызывающему у актора своего рода «когнитивный диссонанс». В состоянии само-обращенности бестелесное - вербальное - «Я» утрачивает непосредственную связь с собственным «образом», иначе, «естественным я», тождественным телу. Утрата тела, нехватка соотнесенности с телом переживается индивидом как невозполнимая потеря «самости». В итоге, сознание индивида либо рассеивается «в бессодержательном универсуме знаков», либо сливается с неподдающейся структурированию и осмыслению телесной «самостью». Структура сознания полностью поглощается деятельностью, без остатка раство-

ряется в ней. Понятия структуры и социального действия оказываются несовместимыми, то есть гносеологически вступают в противоречие с формально объединяющим их, но содержательно не самостоятельным принципом структурирования. В результате, принцип устройства общества становится эквивалентен принципу его устранения.

В концепции «структуралистского конструктивизма», развиваемой П. Бурдьё, социальные структуры субъективности отождествляются с габитусом. Составляющие габитуса диспозиции представляют собой бессознательно интериоризированные и инкорпорированные индивидом - встроены в его тело - схемы поведения. Если габитусы характеризуются интериоризацией внешнего, то различные поля, наоборот, конституируют экстериоризацию внутреннего. Согласно Бурдьё, социологическое поле должно быть осмыслено и сконструировано, исходя из тавтологии существования, предложенной Э. Дюркгеймом: «объяснять социальное через социальное». Таково негласное правило социологической игры. Однако принципиальная не замкнутость, открытость социологического поля способствует тому, что оно подвергается вторжению и испытывает влияние со стороны различных политических, экономических и других социальных игр. Кроме того, конструируемый объект должен быть доступен, открыт социальной практике, поскольку сам социолог нуждается в установлении и признании его собственных позиций в социальном пространстве. Выбирая критерий практики, исследователь отождествляет себя с не-знающим агентом, для которого действительность предстает в своей неопределенности, что позволяет приписывать ей любые свойства, или характеристики. В дальнейшем неопределенное бытие социального мира доопределяется символическим порядком письма или речи, манифестируемым дискурсом социолога, имя которого оказывается «пустым». «Пустое» имя опустошает и существо (сущность) выделенной им социальности. Конструирование поля социального исследования превращается в процедуру редуцирования социального объекта к социальной данности, т.е. теряет всякий смысл.

Самоопределение субъективности в конструктах социального бытия, как мы полагаем, осуществляется лишь при условии соблюдения принципа тождества языка и мышления. Структура тождества, свернутая в одну точку, открывает возможность для само-рефлексии дискурса, застающего себя на пределе собственного существования в вопросе о принадлежности дискурсивного начала социальному как таковому. Тем самым «при-» и «над-» как бы обращают социальное на само себя, пред-оставляя его самому себе в состоянии само-представленности. «Закольцованное» на самом себе социальное сообщает дискурсу тавтологическую форму рефлексии субъект-объектного тождества: «социальное есть социальное». При этом логическая связка «есть» оказывается точкой со-в-местности социального бытия (ontos), языка (logos) и мышления (gnosis), или «общим местом» их актуализации в социально-философском дискурсе. Ontos (процесс) и gnosis (метод) связывает воедино logos (система). Gnosis (метод) и logos (систему) раскрывает ontos (процесс). Logos (система) и ontos (про-

цессе) опосредуют gnosis (метод). Всякий раз «набрасываемый-заново» (Г. Гадамер), истолковывающий собственный смысл текст социального, образует своего рода герменевтический круг, в котором определяющее и определяемое изначально совпадают в точке самообъективации бесконечного потока мышления, или интуиции знания. Сквозной характер точки предьявляет дискурс в нескончаемом процессе самоосмысления, или самоименования, т.е. свободном конструировании текста бытия социального.

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы, намечаются дальнейшие направления работы по теме диссертации.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Шадрин А. А. Герменевтический аспект тождества знака и значения // Тезисы научной аспирантско-студенческой конференции экономического и философско-социологического факультетов УдГУ «Социальные и экономические аспекты развития теории и практики». Ижевск, 2000. С. 94-98.
2. Шадрин А. А. Децентрирование субъективности в постмодернизме // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Философия / Новосибирск, 2000. С. 125-126.
3. Шадрин А. А. Метафизические основания психоаналитической концепции Ж. Лакана // Тезисы докладов 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 1. Ижевск, 1999. С. 85-86.
4. Шадрин А. А. Пределы рациональности в современной дискурсивности: деконструкция и герменевтика // Тезисы докладов 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ч. 2. Ижевск, 2001. С. 109-110.
5. Шадрин А. А. Проблема дискурсивного существования языка // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Выпуск 4. Москва: Издательство Московского университета, 2000. С. 444-445.
6. Шадрин А. А. Проблема дискурсивной позиции субъекта в концепции Ж. Лакана // Тезисы научной аспирантско-студенческой конференции экономического и философско-социологического факультетов УдГУ «Социальные и экономические аспекты развития теории и практики». Ижевск, 2000. С. 98-101.
7. Шадрин А. А. Проблема онтологического статуса социальной реальности // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 2. С. 107-114.
8. Шадрин А. А. Проблема существования языка на пределе // Материалы молодежной секции научно-практической конференции и школы молодых ученых памяти профессора Л. Н. Когана «Возрождение России: общество - образование - культура - молодежь». Екатеринбург, 1998. С. 7.

9. Шадрин А. А. Проблема языка как реальности // Тезисы научной аспирантско-студенческой конференции экономического и философско-социологического факультетов УдГУ «Социальные и экономические аспекты развития теории и практики». Ижевск, 2000. С. 93-94.
10. Шадрин А. А. Темпоральный аспект существования тождества // Тезисы научной аспирантско-студенческой конференции экономического и философско-социологического факультетов УдГУ «Социальные и экономические аспекты развития теории и практики». Ижевск, 1998. 72-74.
11. Шадрин А. А. Тождество знака и значения в истине высказывания // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. Материалы V Общероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 1998. С. 421-422.
12. Шадрин А. А. Эпистемологический статус терминов «это» и «то» в концепции Я. С. Друскина // Вестник Удмуртского университета. 2004. № 2. С. 171-176.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 9.11.2004. Формат 60x84/16.

Тираж 100 экз. Заказ № 1835.

Типография Удмуртского государственного университета
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.